

**ПАТРИК
НЕСС**

**ОСТАЛЬНЫЕ
ЗДЕСЬ
ПРОСТО
ЖИВУТ**

Москва
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Н55

Patrick Ness

THE REST OF US JUST LIVE HERE

Text © 2015 Patrick Ness

“Hunter” written by Björk © 1997.

Reproduced by kind permission of the artist. All rights reserved.

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Е. Романовой*
Художественное оформление *А. Ивановой*

Несс, Патрик.

Н55 Остальные здесь просто живут / Патрик Несс ; [перевод с английского Е. Романовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-104128-1

Майки Митчелл живет в очень странном городке. Здесь постоянно происходят невероятные события: то вторгнутся инопланетяне или нагрянут зомби, то объявятся вампиры, и какая-нибудь девчонка обязательно влюбится в одного из них. Противостоят всей этой нечисти Избранные — крутые ребята со стильными стрижками и высшим предназначением. Но Майки — обычный парень, который просто хочет окончить школу, в последний раз провести лето с друзьями и поступить в колледж. А еще ему нужно набраться смелости и пригласить красавицу Хенну на выпускной. Возможно, у него все бы получилось. Но неожиданно появляется загадочный новенький и норовит разрушить все планы. И это в тот самый момент, когда Майки наконец-то решил признаться Хенне в своих чувствах!

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Романова Е., перевод на русский язык,
2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104128-1

*Посвящаю моей славной сестрице,
Мелиссе Энн Браун — человеку доброму
и при этом веселому
(самое лучшее сочетание!).*

*I thought I could organise freedom.
How Scandinavian of me.*
Бьорк

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Посланница Бессмертных в поисках постоянного Сосуда приходит в наш мир, приняв удивительное обличье; Финн бежит от нее в лес и встречается там свою смерть.

Вечером умрет хипстер Финн, и мы станем последними, кто видел его в живых, а пока мы всей компанией валяемся на Поле и болтаем о любви и животах.

— Неправда, — говорит сестра. Уловив в ее голосе легкое раздражение, я поднимаю голову, но она лишь кивает досадливо — отстань, мол, — и продолжает отчитывать Хенну: — Выбор есть всегда. Даже если это любовь — а такими словами, между прочим, не разбрасываются, — даже если это она, можно взять себя в руки и поступить правильно!

— Я сказала, что люблю его *веснушки*, — уточняет Хенна, — а не его самого. Не передергивай. Да и вообще, я не о том. Я про такое странное чувство, знаешь, когда сердце наполняется до краев... Нет,

даже не сердце, а *живот*. Когда внутри рождается такое чувство, ты сам за себя не отвечаешь.

— А вот и отвечаешь, — уверенно возражает моя сестра. — Отвечаешь!

— Мэл...

— Чувства чувствами, а поступать надо правильно.

Хенна хмурится.

— При чем тут вообще «правильно», «неправильно»? Я говорю о совершенно нормальных для человека переживаниях! И я не виновата, что Нейтан такой клевый.

Опускаю глаза на учебник истории. Касаюсь по очереди каждого уголка и мысленно их пересчитываю. Джаред это замечает.

— Ты сказала, у тебя не было выбора, — стоит на своем Мэл. — Если бы ты смогла его поцеловать, то поцеловала бы — и плевать, кто вас видел. Плевать, есть ли у него подружка. И на Тони плевать...

— Мы с ним давно расстались.

— Да, но ты знаешь, какой он ранимый. Ты бы его убила! А потом сказала бы, что в тот момент за себя не отвечала... Ничего подобного! Отвечала, да еще как.

Хенна закрывает лицо руками.

— Мелинда...

— Что-то я завелась. Больная тема.

— Я и смотрю...

— Не называй меня Мелиндой.

— А Хенна, между прочим, права, — вставляет Джаред. Его голова, как на подушке, покоится на пятой точке у Хенны. — Оно в животе, это чувство.

— Я думала, у парней пониже, — замечает Мэл.

— Нет, это другое. — Джаред садится. — Когда просто *хочешь* — это одно. Как у животных. А тут другое совсем.

— Ага, — кивает Хенна.

— Оно вот тут появляется. — Джаред кладет руку себе на живот. Пузо у него немаленькое, и мы прекрасно понимаем, что он не стал бы привлекать к нему внимание просто так. Причина, стало быть, веская. — В этот момент ты осознаешь: все, во что ты верил раньше, — полная чушь. Не имеет никакого значения. То, что прежде казалось сложным, внезапно становится простым, как дважды два. Потому что начальник теперь — живот, а он считает, что нет на свете ничего невозможного. И если ты добьешься своего, это не решит всех твоих проблем, но жить станет немного легче.

Джаред умолкает и поднимает глаза к солнцу. Мы все знаем, что он имеет в виду. И он знает, что мы знаем. Хорошо бы он рассказывал об этом почаще.

— Живот тебе не начальник, — спокойно произносит Мэл.

— Ой, — спохватывается Джаред. — Прости... Мэл мотает головой.

— Я не про то! Сердце тоже не начальник, хотя порой думает иначе. Выбор всегда за тобой. Всегда.

— Нельзя взять и запретить себе чувствовать! — заявляет Хенна.

— Но можно взять и принять правильное решение.

— Ага, — кивает Джаред. — Только это не просто.

— Ранние христиане верили, что душа — в животе, — вставляю я.

Воцаряется тишина; одинокий порыв ветра легонько ворошит траву, словно бы говоря: «Не обращайтесь на меня внимания».

— Мне папа говорил, — добавляю я.

Мэл опускает глаза на экран ноутбука и вновь берется за домашку.

— Много наш папа понимает!

Ветер слегка усиливается («Ох, простите, пожалуйста», — будто бы говорит он; а ветер-то, похоже, англичанин — дует и сам не понимает, как его сюда занесло); Хенна прихлопывает ладонью листок с заданиями, чтобы не улетел.

— Зачем вообще нужна эта бумага?

— Из нее делают книги, например, — отвечает Джаред.

— И туалетную бумагу, — добавляет Мэл.

— Просто бумага — это вещь, ее можно потрогать. Иногда нам нужны реальные, осязаемые вещи. А не только идеи, — говорю я.

— Вопрос был риторический, — хмыкает Хенна, убирая распечатку с вопросами по Гражданской войне под ноутбук.

Я опять начинаю пересчитывать уголки учебника. Раз-два-три-четыре, раз-два... За мной исподтишка наблюдает Джаред. Порыв ветра взъерошивает волосы («Наше вам почтение!» ...А, нет, так вроде ирландцы говорят). Откуда он вообще взялся — в такой

солнечный день? Сюда, на Поле, мы выходим только в хорошую погоду, и весна в этом году выдалась на удивление теплая. Вообще-то «Поле» — не совсем поле, а просто заросший травой пустырь, хозяин которого не то умер, не то развелся, словом, построить ничего не успел, только спилил в дальнем конце все деревья, так что получилось несколько удобных пеньков. С дороги нашего укромного места никому не видно: уцелевшие деревья стоят плотными рядами и все загораживают. Чтобы нас найти, надо целенаправленно двигаться в глубь участка, но никто в здравом уме не станет этого делать, потому что живем мы у черта на куличках. Дальше — только лесная чаща. По вечерам слышно койотов, во двор то и дело забредают олени.

— Слушайте, — меняет тему Джаред, — кто-нибудь еще пишет сочинение про восстановление городов после Гражданской войны, или я один такой?

— Я пишу, — говорю.

— Серьезно? — с досадой спрашивает Мэл. — Вообще-то, я тоже.

— И я, — вставляет Хенна.

— Все, что ли? — удивляется Джаред.

Мэл сверлит меня взглядом.

— А ты можешь не писать? Вот просто взять — и не писать?..

— У меня материала завались...

— И что? Я в этой теме хоть немного шарю.

— Так и пиши, кто тебе не дает!

— Нам обоим нельзя писать. У тебя получится клевое заумное сочинение, а у меня сплошное идиотство — по сравнению с твоим.

Опять сестра за старое... Почему она считает себя идиоткой? Это вообще не так, даже близко!

— Уж получше моего, — замечает Джаред.

— Майки, просто не пиши сочинение, и все.

Тут многие скажут: раскомандовалась! А другие удивятся, с чего это мы учимся в одном классе, она ведь на год старше меня. Большинству, конечно, слышатся в ее голосе противные избалованные нотки.

Но большинство ошибается. Она не ноет и не командует, а просит — причем довольно вежливо. И большинству не видно страха в ее глазах.

Зато мне видно. Мэл жутко боится экзамена.

— Ладно, — говорю. — Напишу про причины и предпосылки.

Она благодарно кивает и оборачивается к Хенне:

— Можешь тоже написать про причины?

— Эй! — восклицает Джаред. — А меня почему не просишь — я-то чем хуже?

— Ты серьезно?

— Да нет, шучу, — смеется он.

Джаред здоровенный, бреется лет с одиннадцати, а в прошлом году его взяли полузащитником в футбольную команду, но мы все знаем, что его конек — это матанализ. Дай ему цифры, он кого хочешь за пояс заткнет, а со словами и предложениями не дружит: пишет сочинение и морщится, как старик девяностолетний.

— Мэл, — говорит Хенна, — прекращай...

И тут из-за деревьев выбегает хипстер в развевающемся на ветру винтажном пиджачке. Он машинально поправляет на носу модные очки в чер-

ной оправе и бежит дальше — футах в двадцати от нас, — не заметив нашего присутствия. Хипстеры никогда нас не замечают, даже в классе, где мы сидим бок о бок. Он перебегает Поле и скрывается в лесных дебрях.

Секунду-другую мы молча и ошарашенно переглядываемся, как вдруг из-за тех же деревьев вылетает светящаяся девочка. Она тоже нас не замечает — от нее исходит такой яркий свет, что мы невольно прикрываем глаза ладонями, — и вскоре исчезает в чаще.

Минуту мы все молчим. Наконец Джаред спрашивает:

— Это был Финн?

— Один из, — отвечает моя сестра. — По-моему, их всех зовут Финнами.

— Не, точно есть пара Диланов, — говорит Хенна. — И один Нэш.

— И Сатчелы, — вставляю я. — Мальчик Сатчел и девочка Сатчел.

— Это был один из Финнов, точно вам говорю.

Вдруг из того места, куда должны были убежать хипстер (да, пожалуй, Джаред прав, его в самом деле зовут Финн) и светящаяся девочка, поднимается столп яркого голубого света.

— Что они там делают? — озадаченно спрашивает Мэл. — Откуда девчонка-то взялась?

— И почему она светится? — подхватываю я.

— Главное, чтобы школу не трогали, — говорит Джаред. — А то в прошлый раз моему двоюродному брату аттестат на парковке вручали.